

ПОЛИТИЗАЦИЯ ДИСКУРСА ПО ПРОБЛЕМАМ МИГРАЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ¹

Бардин А. Л., Пантин В. И.

Бардин Андрей Леонидович,
Центр сравнительных социально-экономических и политических
исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23.
Эл. почта: andreybardin@gmail.com.

Пантин Владимир Игоревич,
Центр сравнительных социально-экономических и политических
исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: v.pantin@mail.ru.

В статье рассмотрен политический дискурс, связанный с проблемами миграционно-регулирующего и интеграции инокультурных иммигрантов в странах Европейского союза, причем основное внимание уделено изменению данного политического дискурса после начала острой фазы миграционного кризиса в 2015 г. Показано, что обострение миграционного кризиса в ЕС не только стимулировало и актуализировало политический дискурс в сфере миграционного регулирования, но и обнаружило наличие разных, иногда полярно противоположных подходов в этой сфере. Заметная политизация дискурса по миграционным проблемам в странах ЕС, которая наглядно проявляется в европейских СМИ, оказала негативное влияние на социальную сплоченность общества, вызвав политическую поляризацию, рост влияния популистских партий и движений. Это поставило наднациональные структуры ЕС и политическое руководство отдельных европейских стран перед необходимостью выработки адекватного и эффективного ответа на вызовы резко возросшей этносоциальной и этнокультурной неоднородности. Проведенный анализ выявил, что широко распространенные в европейском политическом дискурсе попытки заменить (или подменить) проблему интеграции инокультурных мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки проблемой приема беженцев, а миграционный кризис переименовать в «кризис беженцев» эффективны лишь отчасти и в целом не способствуют преодолению политической поляризации. В то же время сделан вывод, что звучащие призывы к контролю над миграцией и над внешними и внутренними границами стран ЕС оказывают больший эффект и заметно влияют на политический курс целого ряда европейских государств в сфере миграционного регулирования.

¹ Статья подготовлена в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 15-18-00021 «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)».

Ключевые слова: миграционный кризис, инокультурная миграция, политический дискурс, миграционное регулирование, Европейский союз, СМИ.

Введение

С наступлением миграционного кризиса, в острой форме начавшегося в странах Европейского союза (ЕС) в 2015 г., комплекс проблем, связанных с ростом инокультурной иммиграции в Европу, актуализировался и в политическом, и в научном, и в общественном дискурсах, а политика в миграционной сфере стала предметом острых дискуссий на всех уровнях политического процесса в Европейском союзе. Объектом критики выступает как политика отдельных стран, так и решения, принимаемые на общеевропейском уровне. Так, актуальное исследование *Pew Research Center* показывает, что в среднем по 10 странам ЕС недовольны общеевропейской политикой в миграционной сфере 66% опрошенных, тогда как довольны всего 25%, при этом в ряде стран доля недовольных крайне высока (91% в Греции, 81% в Италии, 78% в Швеции) (Stokes, Wike, Manevich, 2017). Перед политиками стоит задача оперативно выработать по возможности эффективный ответ на вызов роста этнокультурной неоднородности, так как в отсутствие продуманной интеграционной политики «разнообразие выступает фактором разобщения и дестабилизации культурно гетерогенных социумов» (Цапенко, Монусова, 2016, 9). Кроме того, необходимо дать концептуальную оценку феномену массовой инокультурной миграции в ЕС, предложив приемлемую для большинства населения модель будущего решения связанных с ней проблем.

В данной статье проанализирован политический дискурс, связанный с миграционным кризисом и миграционным регулированием как в отдельных странах ЕС, так и на общеевропейском уровне. Основное внимание уделено изменению данного политического дискурса после начала острой фазы миграционного кризиса в ЕС в 2015 г.

Дискурс и социальная сплоченность: проблемы казуальности

Весьма важным вопросом является то, как миграционный кризис повлиял на социальную сплоченность в странах ЕС, поскольку от этой сплоченности во многом зависит политическая стабильность европейских стран и всего Европейского союза. Анализ политического дискурса показывает, что текущее состояние миграционных проблем в странах ЕС в совокупности с рядом других факторов оказывает негативное влияние на социальную сплоченность общества. Обратимся к этим факторам.

Во-первых, за последние годы существенно возросла политизация миграционной проблематики, эта проблематика активно обсуждается и используется политическими партиями (см., например, Helbling, Reeskens, Stolle, 2015). Если в 1980-е гг. миграционная политика, как правило, формировалась «за закрытыми дверями» и общество лишь эпизодически вовлекалось в дискуссию по тем или

иным ее аспектам, то на 1990-е гг. пришелся период ее быстрой политизации. Как следствие, миграционная политика стала одним из элементов политического курса, наиболее сильно поляризующих общество (Kriesi, Grande, Dolezal, Helbling, Höglinger, Hutter, Wüest, 2012; Lahav, 2004). Нет сомнений, что этому способствовал поступательный рост информированности населения об общественно-политических проблемах благодаря развитию электронных СМИ. С тех пор политизация миграционного вопроса остается на высоком уровне, причем она особенно усилилась с лета 2015 г., когда страны ЕС захлестнул вал миграции с Ближнего Востока и из Африки. Так, в научных работах, посвященных анализу политического дискурса по миграционной проблематике в странах ЕС, в последние годы отмечается значительный рост политизации этой проблематики и более частое, чем ранее, использование в политической риторике противостоящих друг другу когнитивных структур. К примеру, во Франции это концепт «*Français, compatriotes*» и антиконцепт «*étrangers, immigrés*») (см., например, Чекалина, 2017, 354).

Во-вторых, фактор политизации миграционной проблематики усиливается с ростом дистанцированности общества от власти, а также в связи с феноменом кризиса традиционных политических партий и подъема популистских течений. Данные различных опросов свидетельствуют, что население все более недовольно представительством своих интересов традиционными партиями. Кроме того, в случае ЕС общественное недовольство политической элитой усилилось из-за наложения друг на друга целого ряда кризисных явлений в разных сферах общественной жизни, ставших вызовом сложившейся политической системе — сначала финансовой и долговой, а затем миграционной и сфере безопасности (серия терактов в европейских городах). В сложившейся ситуации «экономическое недовольство, вызванное ростом неравенства в доходах, усугубилось опасениями (мнимыми или реальными) угрозы потери национальной идентичности, культурной самобытности вследствие массового наплыва в Европу мигрантов — представителей инокультурных групп» (Глухова, 2017, 55).

Таким образом, с одной стороны, фиксируется тенденция «*down-up*», в рамках которой электоральное поведение становится менее уравновешенным и предсказуемым в силу общественного недовольства представительством своих интересов. С другой стороны, раскол среди политических сил по миграционной проблеме создает эффект посылаемых обществу «*up-down*» «импульсов нестабильности», что ведет к еще большей его поляризации. Так, в Германии на А. Меркель оказывают давление, с одной стороны, члены ХДС и ХСС, выступающие за ужесточение миграционной политики, с другой — представители объединений «Союз 90 / Зелёные», партии «Левая» и значительной части СДПГ, требующие, напротив, большего гуманизма по отношению к беженцам (Тимошенкова, 2017, 25–26). Одновременно все больше сторонников набирают движение ПЕГИДА и «Альтернатива для Германии», выступающие за принципиально иной, значительно более жесткий подход к регулированию миграционной проблемы. Считая политику Меркель про-

вальной, они активно оперируют стереотипами о том, что мусульмане не способны к интеграции, что германское общество «завоевывается» ими, тогда как власти «сидят сложа руки, предавая нацию» (Geiges, Stine, Walter, 2015; Thran, Boehnke 2015). Фактически немецкое общество расколото примерно поровну, и наиболее активный протест инструментализируется правыми и левыми радикалами.

В-третьих, проблему представляет ценностная концептуализация текущего кризиса, в политическом дискурсе фреймируемого прежде всего как «кризис беженцев». Как резюмирует Е. А. Нарочницкая, «моральный эффект сочувствия к беженцам широко эксплуатируется в качестве инструмента, с помощью которого формируется определенный образ событий и продвигаются определенные идеи и позиции. Происходящее представляется главным образом как 'кризис беженцев', а не как многоаспектный миграционный кризис (каковым он очевидно и является.— А.Б., В.П.). Глубинный смысл именованья всех нелегальных мигрантов беженцами в том и состоит, чтобы распространить моральное обязательство приема на всех. Встречается еще более узкая и политизированная версия, согласно которой речь идет о беженцах, 'спасающихся от диктатуры Башара Асада'». Автор справедливо отмечает доминирование здесь дискурса политической корректности, которое избегает аналитического подхода к проблеме: «Не обсуждаются ни внешнеполитическая роль Европы в дестабилизации Ближнего Востока, ни негативные последствия эмиграции среднего класса для будущего стран исхода» (Нарочницкая, 2016, 31–32). Между тем, как показывает даже беглый анализ соцсетей, большинство активных их пользователей отдают себе отчет в этих проблемах и негативно воспринимают их замалчивание, возлагая, к примеру, на канцлера Германии вину за миграционный кризис и связывая попытки с расплатой за участие этой страны в действиях на Ближнем Востоке.

Дискурсивные аспекты проблем миграционного регулирования

Вопрос, касающийся общественного восприятия иммиграции в странах Евросоюза, выходит за рамки публичных дебатов и СМИ. Как представляется, в его основе лежит принципиальная и до сих пор не решенная проблема, связанная с приёмом и интеграцией мигрантов. Другими словами, существует ощутимое противостояние межправительственного и наднационального методов управления и регулирования иммиграции, причём большинство стран — членов ЕС по-прежнему стремятся сохранить принятие решений в этой области в рамках внутренней политики своих государств.

При этом важно обратить внимание на концептуальную рамку миграционной политики стран ЕС. В наши дни начинает развиваться так называемая концепция «цивильного гражданства», пришедшая на смену не оправдавшим себя практикам ассимиляции и мультикультурализма. Она включает в себя поиски баланса между правами и обязанностями мигрантов. При этом, как считают специалисты, отказ национальных государств от исключительной компетенции в плане

предоставления гражданства маловероятен (Биссон, 2015, 25). В немалой степени именно это противоречие формирует устойчивый публичный дискурс восприятия иммигрантов, присущий каждой стране, несмотря на то, что в Евросоюзе официально декларируется и продвигается наднациональная «европейская» идентичность. Это способствует изменению прежнего отношения к мигрантам. Например, Нидерланды, прежде одна из самых благосклонных по отношению к иммигрантам стран Европы, ужесточили свою политику: теперь государственная поддержка тех, кто находится в ожидании решения о предоставлении убежища, должна быть сокращена; те же, кто в итоге не получил официального разрешения на пребывание, должны быть депортированы из страны.

Этому решению способствовал ряд факторов, таких как рекордные показатели по иммиграции (более 52 тыс. чел. в 2015 г.) и развернувшаяся в связи с этим в Нидерландах широкая дискуссия о политике интеграции и миграционном кризисе. Число публикаций, касающихся положения мигрантов на территории королевства, резко увеличилось: так, ведущая газета *De Telegraaf* в 2014 г. посвятила миграции всего 15 материалов, тогда как только за осень 2015 г. их вышло 87 (Гладкова, 2016, 68). Как показывает анализ публикаций, больше всего общество волновали действия правительства по регулированию миграционных потоков в Нидерланды и политика стран ЕС в ситуации миграционного кризиса, общественные инициативы в поддержку мигрантов внутри страны, личные истории беженцев и вопросы преодоления ими языкового и культурного барьера. Личный интерес к происходящему как со стороны обычных граждан, так и политиков высокого уровня фиксируется в более персонализированном и эмоционально насыщенном характере публикаций, в которых встречаются идиомы, большое количество метафор и разговорных выражений (Гладкова, 2016, 69–71). Специалисты отмечают столкновения мнений по поводу будущего мигрантов, опубликованных на страницах прессы. С одной стороны, высказываются мнения по поводу того, что переизбыток мигрантов и невозможность их размещения преувеличены. С другой стороны, речь идет о наличии в обществе «отрицательной самоцензуры», когда любые претензии к иммигрантскому сообществу имплицитно рассматриваются как проявления нетерпимости.

Особо следует остановиться на образах, клише и роли СМИ в освещении миграционного кризиса и в дискурсе по поводу миграционного регулирования. Глобальные СМИ, работающие в европейских странах (наиболее известное — *Euronews*), выработали отдельный глоссарий по связанной с миграцией проблематике. Так, нелегальная транспортировка мигрантов обозначается как *human smuggling* (своего рода овеществление мигрантов для подчёркивания их тяжелой доли), используются эмоционально окрашенные пароли, такие как «опасный прецедент», «шаг в сторону нормализации», «ослабление правил предоставления убежища» (Бушев, 2016, 164). В этом отношении возникает вопрос об импле-

ментации медийного дискурса в учебный и научный дискурсы международной тематики (Бушев, 2016, 170).

Важную роль в формировании дискурсов играет вербализация образов. Так, официальные СМИ в Германии, используя понятие *Flüchtling* (беженец), придают ему нейтральную коннотацию, отталкиваясь от лексического значения слова «человека, покинувшего свой дом в спешке по политическим, религиозным, экономическим и этническим причинам». Они рассматриваются как прибывшие на территорию Германии из-за страха преследования по какому-то признаку. При этом клише «ищущий убежища» порой является негативно окрашенным — медиаматериалы по этому тегу идут в рубриках «Терроризм» и «Насилие». Термин *Asylant* (рассчитывающий на убежище) используется в однозначно негативном значении как потенциально опасный субъект (Мальцева, 2016, 39–41).

Оперирование различными клише и стереотипами наиболее характерно для популистов. Как пишет один из ведущих специалистов по миграции в ФРГ Наика Фурутан, для Германии в рамках такого дискурса типична ситуация, когда мусульмане-иммигранты репрезентируются как аутгруппа, а присущие им характеристики, такие как пол, уровень образования, фертильность и др., интерпретируются прежде всего через противопоставление аналогичным характеристикам, присущим немцам (Sanan, Foroutan, 2016). Данный приём нацелен на утверждение образа («прототипа») среднестатистического мусульманина как агрессивного, отсталого, малообразованного патриархального мужчины, отца большого числа детей, угрожающего современному западному миру; ему противопоставляется прототип «современного немца» — хорошо образованного, придерживающегося ценностей равенства, имеющего мало детей (Kofman, Sawitri, Vacchelli, 2015).

На примере ФРГ также можно проследить, как освещение миграционного кризиса в СМИ оказалось подвержено влиянию властного дискурса, что в свою очередь оказало воздействие на массовое сознание. До октября 2015 г. массовый приём Германией беженцев практически всеми германскими СМИ подавался в терминах «решения гуманитарной проблемы» и репрезентировался как «окно возможностей» для страны в целом. При этом суть проблемы освещалась достаточно абстрактно и главным образом через призму действий федеральных властей в целом. Отклик той части общества, которая посчитала необходимым лично принять участие в помощи прибывающим, актуализировался, распространялся на общество в целом и транслировался в терминах максимально толерантных — «культуры гостеприимства» (*Willkommenskultur*) и «культуры признания» (*Anerkennungskultur*). Читая ведущие германские издания, можно было сделать вывод, что беженцы прибывают в Германию в основном целыми семьями, большинство из них — инженеры и врачи, имеющие высшее образование, которые станут ценными кадрами для экономики страны. Те же, кто указывал, что прибывающие в основной своей массе — это молодые, плохо образованные мужчины, которые не являются беженцами в терминологии Женевской конвенции

и не готовы к интеграции в ценностно чуждое им западное общество, клеймились как популисты, расисты и правые экстремисты, т.е. подвергались отрицательной самоцензуре. Подобный «разгул политкорректности» многими был встречен с подозрением: так, в октябре 2015 г. 47% немцев, опрошенных в рамках исследования Института демоскопии в Алленсбахе, отметили, что освещение темы миграционного кризиса в СМИ представляется им однобоким (*Mehrheit fühlt sich über Flüchtlinge einseitig informiert*, 2015).

К аналогичным выводам пришли эксперты фонда Отто Бреннера, в июле 2017 г. опубликовавшего результаты глубинного исследования дискурсивных аспектов миграционного кризиса «Кризис беженцев» в СМИ. Повседневная журналистика между мнением и информацией». Как отмечают ученые, проанализировавшие около 25 тыс. материалов германских СМИ за период с февраля 2015 г. по март 2016 г., в разгар миграционного кризиса ведущие германские СМИ «распространяли и утверждали эвфемистический нарратив культуры гостеприимства в угоду властному дискурсу» (Haller, 2017). В свою очередь, анализ материалов местных и региональных СМИ показал превалирование в них монологически выстроенных текстов (почти в 2 раза больше, чем построенных в формате диалога или полилога), что также свидетельствует о «монодирективном» характере репрезентации событий; авторы исследования сравнивают такой канал информации с «улицей с односторонним движением» (Haller, 2017, 138). В 83% сообщений ежедневной прессы концепт «культура гостеприимства» продвигался как нормативная моральная норма, обязательная к принятию и следованию; критика этого концепта подавалась в терминах необходимости его усиления и улучшения, а публикации, где концепт ставился под сомнение, оказались весьма редки (Haller, 2017, 138). Только с течением времени тональность репрезентации миграционного кризиса в СМИ стала более критической, ее фокус начал смещаться от общего к частному, к конкретным проблемам и примерам взаимодействия с мигрантами на местах, участию гражданского общества в разрешении кризиса. Постепенно фреймирование темы стало принимать форму критики способности основных политических партий справиться с кризисом.

Изменение общеевропейского политического дискурса после начала миграционного кризиса

После начала миграционного кризиса в 2015 г. общеевропейский дискурс по проблемам инокультурной миграции и миграционного регулирования стал претерпевать существенные изменения. Если до этого в общеевропейском дискурсе доминировала точка зрения, заключающаяся в исключительно позитивном отношении к приему инокультурных иммигрантов (беженцев) из стран Ближнего Востока и Северной Африки (см., например, Sommer, 2013), то теперь в этом дискурсе отчетливо прослеживаются размежевание и даже раскол по вопросу о последствиях приема странами ЕС беженцев и о подходах к регулированию миграционных

процессов. Несмотря на то что в общеевропейском дискурсе, в том числе на уровне наднациональных структур ЕС, по-прежнему преобладает официальная позиция, состоящая в необходимости принимать всех беженцев и значительную часть трудовых мигрантов, все чаще выражаются опасения, что в итоге миграционный кризис и недостаточная эффективность миграционного регулирования приведут к усилению праворадикальных политических партий и движений, а также к расколу внутри самого ЕС. Такие политические явления, как выход Соединенного Королевства из ЕС и категорическое нежелание принимать беженцев странами Вышеградской группы (Чехией, Словакией, Венгрией и Польшей), во многом подтверждают эти опасения (Migration Politics and Policies in Central Europe, 2017).

В силу этого в общеевропейском дискурсе все большее внимание уделяется вопросам сохранения единства членов ЕС перед лицом миграционной проблемы, а также проблемам регулирования миграционных процессов и интеграции инокультурных иммигрантов. Кроме того, перед лицом террористической угрозы в общеевропейском дискурсе большее внимание уделяется проблемам безопасности, внутренней и внешней секьюритизации (Kinnvall, 2016). При этом, в частности, констатируется, что нынешний миграционный поток в страны ЕС связан с «постколониальной» ситуацией на Ближнем Востоке и в Африке (Kinnvall, 2016), а проблемы формирования наднациональной европейской идентичности в условиях массовой инокультурной иммиграции требует переосмысления европейской миграционной политики в направлении языковой и культурной интеграции иммигрантов (Wodak, Boukala, 2015).

Анализируя общеевропейский политический дискурс по проблемам миграционного кризиса и миграционного регулирования, можно сделать вывод, что широко распространенные попытки заменить (или подменить) проблему интеграции инокультурных мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки проблемой приема беженцев, а миграционный кризис переименовать в «кризис беженцев» являются эффективными лишь отчасти и в целом не способствуют преодолению политической поляризации в странах ЕС. В то же время используемые в политическом дискурсе призывы к ограничению миграции путем контроля над внешними и внутренними границами стран ЕС, а также к выдворению нелегальных иммигрантов оказывают все более заметное влияние на общественное мнение и на политику целого ряда европейских государств. Учитывая это обстоятельство, можно прогнозировать следующие тенденции в миграционном регулировании стран ЕС: 1) усиление внимания к проблемам безопасности, ограничение инокультурной иммиграции путем контроля над границами; 2) более активное участие структур гражданского общества, наднациональных и государственных институтов в адаптации и интеграции инокультурных мигрантов; 3) переосмысление европейской миграционной политики, расширение круга прицельных, с учетом местной (города, региона) специфики, мероприятий по языковой и культурной интеграции мигрантов.

Библиографический список

1. Биссон, А. С. (2015). *Регулирование в сфере легальной иммиграции в Европейском союзе: факторы, методы и инструменты*. (Автореферат канд. диссертации). Москва: Институт Европы РАН.
2. Бушев, А. Б. (2016). Вопросы миграции и религиозной идентичности в дискурсе глобальных СМИ. *Вестник ТвГУ. Серия Филология*, (1), 163–171.
3. Гладкова, А. А. (2016). Тема миграции в нидерландской прессе (на примере публикаций газеты De Telegraaf за 2014–2015 гг.). *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, (4), 63–82.
4. Глухова, А. В. (2017). Популизм как политический феномен: вызов современной демократии. *Полис. Политические исследования*, (4), 49–68.
5. Мальцева, Ю. А. (2016). Концепт «беженец» в немецких медиатекстах. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, (5), 39–43.
6. Нарочницкая, Е. А. (2016). «Кризис беженцев» и иммиграционный вопрос в Европе. *Актуальные проблемы Европы*, (4), 20–37.
7. Тимошенко, Е. П. (2017). Особенности партийно-политического развития ФРГ и миграционный кризис 2015–2016 гг. В Б. П. Гуселетов (ред.) *Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. I*. (с. 20–34). Москва: Институт Европы РАН.
8. Цапенко, И. П., Монусова, Г. А. (2017). Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах. *Полис. Политические исследования*, (4), 90–105.
9. Чекалина, Т. В. (2017). К вопросу о языковой репрезентации концептуальной оппозиции «свои-чужие» в современном французском политическом дискурсе (на материале выступлений политических лидеров Франции по вопросам миграции). В *Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции. Сборник материалов конференции* (с. 352–359). Симферополь: НОО «Профессиональная наука».
10. Canan, C., Foroutan, N. (2016). Changing perceptions? Effects of Multiple Social Categorisation on German Population's Perception of Muslims. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42 (12), 1905–1924.
11. Geiges, L., Stine M., Walter F. (2015). *Pegida. Die schmutzige Seite der Zivilgesellschaft?* Bielefeld, Germany: Transcript.
12. Haller, M. (2017). Die „Flüchtlingskrise“ in den Medien. Tagesaktueller Journalismus zwischen Meinung und Information. *Eine Studie der Otto Brenner Stiftung*. Frankfurt am Main. Retrieved from https://www.otto-brenner-stiftung.de/fileadmin/user_data/stiftung/Aktuelles/AH93/AH_93_Haller_Web.pdf
13. Helbling, M., Reeskens, T., Stolle, D. (2015). Political Mobilisation, Ethnic Diversity and Social Cohesion: The Conditional Effect of Political Parties. *Political Studies*, 63 (1), 101–122.
14. Kinnvall, C. (2016). The Postcolonial has Moved into Europe: Bordering, Security and Ethno-Cultural Belonging. *Journal of Common Market Studies*, 54 (1), 152–168.
15. Kofman, E., Sawitri, S., Vacchelli, E. (2015). Gendered Perspectives on Integration Discourses and Measures. *International Migration*, 53 (4), 77–89.

16. Kriesi, H., Grande, E., Dolezal, M., Helbling, M., Höglinger, D., Hutter, S., Wüest, B. (2012). *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Lahav, G. (2004). *Immigration and Politics in the New Europe: Reinventing Borders*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Mehrheit fühlt sich über Flüchtlinge einseitig informiert. (2015, Dezember 16). FAZ. Retrieved from http://www.faz.net/aktuell/politik/fluechtlingskrise/allensbach-umfrage-zu-medienberichterstattung-in-fluechtlingskrise-13967959.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2
19. *Migration Politics and Policies in Central Europe*. (2017). Bratislava: GLOBSEC Policy Institute.
20. Sommer, S. (2013). Opening Fortress Europe? Constructing a New Approach to EU Migration Policy. *Brussels Journal of International Studies*, (10), 42–81.
21. Stokes, B., Wike, R., Manevich, D. (2017). Post-Brexit, Europeans More Favorable Toward EU. *Pew Research Center*, June: 15. Retrieved from http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2017/06/19101129/Pew-Research-Center_Post-Brexit-European-Views-of-EU_Full-Report_06.15.2017.pdf
22. Thran, M., Boehnke, L. (2015). The Value-Based Nationalism of Pegida. *Journal for Deradicalization*, 15 (3), 178–209.
23. Wodak, R., Boukala, S. (2015). (Supra)national Identity and Language: Rethinking National and European Migration Policies and the Linguistic Integration of Migrants. *Annual Review of Applied Linguistics*, 35, 253–273.

Статья поступила в редакцию 18.05.2017

.....

POLITIZATION OF DISCOURSE ON THE PROBLEMS OF REGULATION OF MIGRATION IN THE EU

Bardin A. L., Pantin V. I.

Bardin Andrei Leonidovich, Center for Comparative Socio-Economic and Political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23.
E-mail: andreybardin@gmail.com.

Pantin Vladimir Igorevich, Center for Comparative Socio-Economic and Political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23.
E-mail: v.pantin@mail.ru.

This article has been written with the financial support of a grant provided by the Russian Science Foundation within the framework of project No. 15–18–00021, “Regulating interethnic relations and managing ethnic and social conflicts in the contemporary world: the resource potential of civic identity (a comparative political analysis)” at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

The article deals with political discourse on the problems of migration regulation and integration of immigrants from different cultures in the EU countries with focus on dynamics of this discourse in the aftermath of the migration crisis peak in 2015. The research shows that the aggravation of migration crisis in the EU not only stimulated and actualized political discourse on the regulation of migration, but also revealed the presence of different, sometimes oppositional approaches in this field. Visible politicization of the discourse on migration problems in

the EU countries, which is evident in the European mass media, has a negative impact on the social cohesion of society, triggering political polarization, and contributes to growing influence of populist parties and movements. This puts the supranational structures of the EU and the political leadership of individual European countries before the need to develop an adequate and effective response to the challenges of a dramatically increased ethno-social and ethno-cultural heterogeneity. The analysis shows that attempts to replace (or substitute) the problem of integration of migrants from the countries of the Middle East and Africa with the refugee problem, and the migration crisis being renamed the “refugee crisis”, are only partially effective and in general do not contribute to overcoming political polarization. The calls in the political discourse for control over migration, as well as over the external and internal borders of the EU countries have a greater effect and affect the policies of a number of EU member states.

Key words: migration crisis, migrants from different cultures, political discourse, regulation of migration, EU, mass-media.

References

1. Bisson, L. S. (2015). *Regulirovanie v sfere legal'noj immigracii v Evropejskom sojuze: faktory, metody i instrument* [Regulation in the Sphere of Legal Migration in the EU: Factors, Methods and Tools]. (Abstract of the Cand. Dissertation). Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
2. Bushev, A. B. (2016). Voprosy migracii i religioznoj identichnosti v diskurse global'nyh SMI [Issues of Migration and Religious Identity in the Discourse of Global Mass-Media]. *Vestnik TvGU. Serija Filologija* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], (1), 163–171.
3. Canan, C. & Foroutan, N. (2016). Changing perceptions? Effects of Multiple Social Categorisation on German Population's Perception of Muslims. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42 (12), 1905–1924.
4. Chekalina, T.V. (2017). K voprosu o jazykovej reprezentacii konceptual'noj oppozicii “svoichuzhie” v sovremennom francuzskom politicheskom diskurse (na materiale vystuplenij politicheskikh liderov Francii po voprosam migracii) [On Linguistic Representation of the Concept “of Own and Alien” in Modern French Political Discourse (based on the material of speeches of political French leaders concerning migration)]. In *Literaturovedenie i jazykoznanie: sovremennye transformacii i tradicii. Sbornik materialov konferencii* [Literary Studies and Science of Language. Collection of Conference Materials] (pp. 352–359). Simferopol': NOO “Professional'naja nauka”.
5. Geiges, L., Stine M. & Walter F. (2015). *Pegida. Die schmutzige Seite der Zivilgesellschaft?* Bielefeld, Germany: Transcript.
6. Gladkova, A. A. (2016). Tema migracii v niderlandskoj presse (na primere publikacij gazety De Telegraaf za 2014–2015 gg.) [The Topic of Migration in the Netherlands Mass-Media (On the Example of De Telegraaf Publications in 2014–2015)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika* [Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism], (4), 63–82.
7. Gluhova, A. V. (2017). Populizm kak politicheskij fenomen: vyzov sovremennoj demokratii [Populism as a Political Phenomena and the Challenge of the Modern Democracy]. *Polis. Political Studies*, (4), 49–68.
8. Haller, M. (2017). Die „Flüchtlingskrise“ in den Medien. Tagesaktueller Journalismus zwischen Meinung und Information. *Eine Studie der Otto Brenner Stiftung*. Frankfurt

- am Main. Retrieved from https://www.otto-brenner-stiftung.de/fileadmin/user_data/stiftung/Aktuelles/AH93/AH_93_Haller_Web.pdf
9. Helbling, M., Reeskens, T. & Stolle, D. (2015). Political Mobilisation, Ethnic Diversity and Social Cohesion: The Conditional Effect of Political Parties. *Political Studies*, 63 (1), 101–122.
  10. Kinnvall, C. (2016). The Postcolonial has Moved into Europe: Bordering, Security and Ethno-Cultural Belonging. *Journal of Common Market Studies*, 54 (1), 152–168.
  11. Kofman, E., Sawitri, S. & Vacchelli, E. (2015). Gendered Perspectives on Integration Discourses and Measures. *International Migration*, 53 (4), 77–89.
  12. Kriesi, H., Grande, E., Dolezal, M., Helbling, M., Höglinger, D., Hutter, S. & Wüest, B. (2012). *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
  13. Lahav, G. (2004). *Immigration and Politics in the New Europe: Reinventing Borders*. Cambridge: Cambridge University Press.
  14. Mal'ceva, Ju. A. (2016). Koncept “bezhenec” v nemeckih mediatekstah [The “Refugee” Concept in the German Media Texts]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija* [Sign: Problem Field of Media Education], (5), 39–43.
  15. Mehrheit fühlt sich über Flüchtlinge einseitig informiert. (2015, Dezember 16). *FAZ*. Retrieved from http://www.faz.net/aktuell/politik/fluechtlingskrise/allensbach-umfrage-zu-medienberichterstattung-in-fluechtlingskrise-13967959.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2
  16. Migration Politics and Policies in Central Europe. (2017). Bratislava: GLOBSEC Policy Institute.
  17. Narochnickaja, E. A. (2016). “Krizis bezhencev” i immigracionnyj vopros v Evrope [“Refugee Crisis” and the Issue of Migration in Europe]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Urgent Problems of Europe], (4), 20–37.
  18. Sommer, S. (2013). Opening Fortress Europe? Constructing a New Approach to EU Migration Policy. *Brussels Journal of International Studies*, (10), 42–81.
  19. Stokes, B., Wike, R. & Manevich, D. (2017). Post-Brexit, Europeans More Favorable Toward EU. Pew Research Center, June: 15. Retrieved from http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2017/06/19101129/Pew-Research-Center_Post-Brexit-European-Views-of-EU_Full-Report_06.15.2017.pdf
  20. Thran, M. & Boehnke, L. (2015). The Value-Based Nationalism of Pegida. *Journal for Deradicalization*, 15 (3), 178–209.
  21. Timoshenkova, E. P. (2017). Osobennosti partijno-politicheskogo razvitiya FRG i migracionnyj krizis 2015–2016 gg. [Specifics of Party-Political Development of Germany and the 2015–2016 Migration Crisis]. In B. P. Guseletov (Ed.) *Transformacija partijno-politicheskogo landshafta v stranah Evrosojuza v uslovijah krizisa. Ch. I.* [Transformation of the Party-Political Landscape in the EU Countries during the Crisis. Part 1.] (pp. 20–34). Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.
  22. Tsapenko, I. P. & Monusova, G. A. (2017). Integracionnyj potencial jetnokul'turnogo raznoobrazija v evropejskih sociumah [Integration Capacity of Ethno-Cultural Diversity in European Societies]. *Polis. Political Studies*, (4), 90–105.
  23. Wodak, R. & Boukala, S. (2015). (Supra)national Identity and Language: Rethinking National and European Migration Policies and the Linguistic Integration of Migrants. *Annual Review of Applied Linguistics*, 35, 253–273.